

стремления

мини сборник

АННЫ ФУРМАН

12+

Анна Фурман

Стремления

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67585434

SelfPub; 2022

Аннотация

Небольшой сборник из трех чудесных, сказочных рассказов.
Маленькое путешествие в мир волшебства и доброты.

Содержание

Стремления	4
Ассоциации	7
Синие сны	10

Анна Фурман

Стремления

Стремления

– А ты как думаешь?

– Я не думаю, я – кот. У мр-меня лапки.

Болотник перевернулся на спину, подставляя девочке теплое шерстяное пузико:

– Почеши, мр?

Алис поскребла теплое шерстяное пальцами, Болотник радостно заурчал.

– Разве у котов не бывает стремлений?

– Мр-мр, – отозвался кот, – стре-мр-мление быть почесанным в счет?

Стоило Болотнику произнести эти слова, как в воздух взмыл искрящийся бумажный самолетик. Кот принялся и демонстративно сморщился настолько, насколько способны морщиться коты. Дыня. Стремление быть почесанным пахло дыней. Весьма странно, учитывая, что оно кошачье. Или нет?

– Давай поиграем? – Алис распласталась на земле. Над высокими колосьями пшеницы розовело небо, а в небе блестяла утренняя звезда. Перед рассветом всегда становилось

грустно и хотелось играть.

– В алфавит? Мр. – Болотник немного устал от «алфавита», в конце концов, они развлекались так каждую ночь, но чего ни сделаешь ради единственного настоящего друга.

– Ага. – Алис закрыла глаза и блаженно потянулась. Пшеница вокруг нее зазвенела, будто колокольчики на санях Санты. И пусть здесь царило вечное лето, но призывок сказки, всех в мире сказок, оставался на слуху. – Я начну. Быть любимым. Тебе на «м».

Бумажный самолетик появился ниоткуда. Он источал аромат клубники, что явно нравилось Алис, ведь это стремление она загадывала чаще прочих.

– Мр-мяса бы, – протянул Болотник, сворачиваясь клубочком. Очевидно, недовольный ягодными нотками кот прятал нос.

Другой самолетик закружился над головами приятелей. Болотник вмиг оживился и принялся ловить свое стре-мр-мление. Курица. Вот это то, что надо.

– «О» или «а»? А может, «ы»? – Алис рассмеялась, наблюдая за попытками Болотника ухватить светящуюся бумажку. Для кота он был чрезвычайно неуклюж.

Солнце, появившись на горизонте, позолотило луг. Алис села и захлопала ресницами так быстро, как только может девочка двенадцати лет, желающая взлететь. Ее неизменно завораживало зрелище утренней круговерти: легкий ветерок с ароматом кофе качал колосья, будил стремления повсюду,

и ввысь поднимались сотни самолетиков, подсвеченных лимонными лучами, благоухающих на все лады. Шафран, сирень, карамель, корица, мёд. Счастье, восторг, удивление, семья, праздник. Дурманящий перезвон травы собирался в музыкальное облако на краю поляны.

– Слушай, Болотник... – обратилась Алис к товарищу.

– Мр-мр? – с рассветом он все больше становился похож на обычного, нисколечко не говорящего кота.

Запах кофе крепчал, перебивая остальные. Пришла пора. Пора возвращаться в иной мир, созданный кем-то еще.

– Если здесь живут только хорошие стремления, где-то должны жить и плохие?

Болотник выгнул спину дугой и махнул хвостом. Он ужасно не любил прощаться. Пусть ненадолго, но все же. Музыкальное облако подобралось к друзьям вплотную и почти скрыло кота, однако он успел ответить:

– А ты, мр-мр, как думаешь? – И все исчезло.

Ассоциации

Лаванда корпела над зельем. Из котла поднимался пар – густой и едкий. Такой же, какой казалось вот-вот пойдет из ушей Лаванды. Ее брови сошлись домиком на лбу, образуя морщинку там, где ей быть еще рано; тонкие пальчики с силой впивались в палку-мешалку; волосы растрепались и почти явно поблескивали электричеством. Из всех отваров этот всегда давался Лаванде тяжелее прочих.

Мастер наблюдал за процессом, сложив руки на груди и недовольно поджав губы. По его мнению, юная ведьма была еще слишком молода и неопытна для подобной магии. Однако упорство Лаванды восхищало. Мастер решил на этот раз не вмешиваться. Он знал, что, если все пойдет не по плану, случится взрыв, небольшой, но достаточно сильный, чтобы научить колдунью уму-разуму лучше всяких советов.

– Запах тополей после дождя, – Лаванда проговаривала вслух каждый ингредиент, чтобы не запутаться. Ее мысленный взор тут же нарисовал картину старого парка в летний вечер.

Полки в небольшой комнате склада зельеварителей ломились от всевозможных пузырьков и колбочек. Они сверкали цветными стеклами, жидкости в них были разными по виду и консистенции, но простыми по содержанию. Главное правило любого сложного зелья – несложные составляющие. Ра-

зумеется, в точных пропорциях.

– Звонкий смех. – Еще один компонент – добывается только в веселой компании близких и друзей. Например, на концерте сельской самодеятельности.

Варево вспенилось ярко-желтым.

– Музыка родом из детства. – Лаванда тепло улыбнулась. И хоть детство было не столь далеко от нее нынешней, музыка, как известно, не ведала времени.

– Маленькая шалость.

Мастер удивленно округлил глаза, сохраняя при этом обещанное самому себе молчание.

– Долгая прогулка в сумерках. – Лаванда на секунду зажмурилась, выливая концентрат в котел. Она представила себе маленькие уютные домики по обеим сторонам пыльной деревенской дороги.

Дымок от зелья стал прозрачным, сероватым и чуть сверкающим.

– Разговоры ни о чем. – Самый главный ингредиент в завершении чудесного дня и рецепта.

Вода забурилась и окрасилась поочередно во все цвета радуги. На поверхности вздулся большой переливающийся пузырь. Лаванда на всякий случай отскочила подальше и забавно зажала ладошками уши. Мастер же напротив придвинулся к котлу и взглянул на варево.

Бум! Пузырь лопнул, разбрызгав вокруг несколько лиловых капель. Комнату наполнил аромат счастья. Лаванда вос-

торженно ахнула:

– Сработало! Зелье от беспросветных будней! Я сделала его!

Мастер с гордостью посмотрел на ученицу:

– Ты молодец. – Он едва сдерживался, чтобы не рассыпаться в комплиментах. – А почему, знаешь?

Лаванда зачерпнула поварешкой порцию отвара и поднесла к носу, втягивая дивный запах.

– Да, Мастер, – она налила немного зелья в зеленый флакончик и с нежностью прижала его к груди, – потому что самые светлые воспоминания всегда остаются в памяти ассоциациями.

– Умница, – Мастер похлопал сообразительную ведьмочку по плечу, – далеко пойдешь.

В глубине души он верил, что все получится.

Синие сны

Синий Сон бродил по улицам Сан-Кортадо. Его плащ переливался оттенками, коих не могли вообразить лучшие художники мира. Ткань собирала призрачный свет фонарей, с двух сторон обступавших каждую улочку прибрежного города. Черно-синие волосы Сна вились в потоке соленого бриза. Тут и там в них блестели хрустальные звезды. Синий Сон ударял тростью по булыжникам мостовой. Звук получался глухим и ритмичным, похожим на стук колес: камешек пропустить, ты-дыщ, еще два, ты-дыщ, – и так до рассвета, баюкая, напевая. Сан-Кортадо погружался в теплые, как в детстве у матушки, объятия Морфея.

Сон задержался пусть не у самого богатого, но точно самого чистого и уютного дома в Сан-Кортадо. Там, по другую сторону белого забора, справа от натертого до блеска крыльца, чуть выше цветущего шиповника, за отглаженной синей занавеской...

– Пожалуйста, Всемогущий, я больше не хочу прятать синяки под одеждой и делать вид, что все хорошо. Почему ты не дал мне знака, когда я принимала ухаживания мужа? Сделай же что-нибудь сейчас!

Ты-дыщ! И сноп голубых искр вылетел из-под трости. Он закружился в странном танце, подхваченный южным ветерком, и влетел в окно, за которым, зажмурив глаза и молит-

венно сложив руки, лежала под боком у своего мучителя несчастная сеньора Солей. Сон не был Всемогущим, но кое-что все же умел.

Следующей остановкой стала хибара пекаря Мортонна. Запущенная лужайка, старая краска на худых стенах дома, дырявая музыкальная крыша, которая в дождь выдавала целые симфонии, пропуская воду по капле в медные тазы. Никто в Сан-Кортадо не понимал, почему Мортон, имея прибыльное дело, ютится в этой развалине.

– Я так устал. Я так устал лгать всем подряд. – Мортон растянулся на штопаной синей простыне, прикрыв веки огрубевшей ладонью. – Вот бы София и правда ездила по курортам, а не лечилась от постыдной зависимости. Если бы я знал тогда... Мне бы хоть на денек вернуть мою Софи.

Ты-дыщ! Искры-звездочки снова завихрились в воздухе и нырнули напрямиком в покосившийся дом.

– Исцели мое дитя!

– Пусть мама и папа перестанут ругаться!

– Мне бы...

– Прошу!

Голубые светлячки летали по улицам Сан-Кортадо, оседая на лицах и в умах страждущих. Синий Сон был не в силах исполнить желания и воплотить мольбы, но мог подарить покой, хоть ненадолго, пускай на одну ночь избавить своих обожаемых чад от страданий.

Последним местом, где Сон любил задерживаться, по-

рой до утра, была обитель детей-сирот. Там водились самые звонкие, наивные и чистые просьбы. Сон остановился под окнами общей спальни. Он поправил свой плащ, тряхнул головой, распутывая волосы, в которых озорничал ветер, и приготовился слушать.

Сегодня в доме на втором этаже раздавался тихий плач. Из соседнего города привезли мальчишку, чьи родители скончались от неизвестной болезни, поражающей, как водится, только взрослых.

– Будешь рыдать, Синий Сон не услышит тебя! – Малыша обнимал парень постарше, Хуан. Его доброе сердце стремилось согреть и утешить каждого, кто нуждался в защите.

– К-к-кто? – всхлипнул мальчик и во все глаза уставился на нового друга.

– Волшебник, посланник самого Морфея, – пояснил Хуан. – Он ходит по городу каждую ночь и дарит сказочные сны всем, у кого есть что-то синее.

– Но... у меня нет ничего синего. – Лицо малыша снова скукожилось перед новым приступом плача. Этого Хуан не учел.

– Эй-эй, не надо! – Хуан резво подскочил к своей постели и извлек из-под подушки маленький кружевной платочек, который маменька когда-то давно подарила ему вместе с секретом.

– Вот, держи! – он протянул синюю тряпицу зареванному мальчику. – Положи это под подушку и проси, что захочешь.

Синий Сон обязательно придет к тебе.

– А как же ты?..

Хуан усмехнулся, присел на кровать и снова обнял парнишку:

– Отдашь, как обзаведешься чем-нибудь синим. Тебе сейчас нужнее.

Ты-дыщ! Южная ночь широко распахнула объятия, как гостеприимная хозяйка. Она благоухала цветами и фруктами, в изобилии растущими вдоль берега. Ночь ласкала прохладным бризом дома, фонари и булыжные мостовые, крутила флюгера на крышах, просачивалась в трубы, укутывала лунным светом спящие улицы. Синий Сон бродил по городу, слушая песни прибоя и мирное посапывание тысяч носов.

Последние голубые искры поднялись к небу, покружились, петляя между деревьев, цепляясь за изумрудные листья, и устремились в обитель, где разделившись на две части, осели на соседних кроватях: Хуана и малыша Тони. Больше, чем старое предание и вековую традицию, Синий Сон ценил только искреннюю добродетель. Но об этом в Сан-Кортадо мало кто знал.